

Щит четвертого стража

РАССКАЗ

АНДРЕЙ ТЕРЕХОВ

16+

Андрей Терехов

Щит четвертого стража

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Терехов А. С.

Щит четвертого стража / А. С. Терехов — «ЛитРес: Самиздат»,
2015

Михаэль и подумать не мог, что на старости лет, в конце его безликого жизненного пути, появится шанс стать во главе экспедиции - за таким же древним и полузабытым, как сам Михаэль, щитом... В оформлении обложки использована картина Джулиана Рассела Стори "Эдуард Черный Принц. Битва при Креси".

И была при месторождениях тех великая беда: ни единая живая душа не могла находиться на нижних уровнях, кроме как в зимнюю пору или при помощи колдунов. Иначе раскалялись горы до красноты и текли, будто вода течет по сосудам земным. И сгорали люди заживо тогда, и не пустела более мертвецкая при шахте.

Но росло наше младое королевство, и стало не хватать руды, и стало людей больше, и грызли они кости гор в поисках новых жил. И редели, и скуднели жилы, и глубже погружались глупцы, и не могли ничего отыскать.

И пришла однажды другая беда, страшнее жара земного и духов глубин, и пропали все из шахты, и не привозили больше железа червленого в наши города. Повелел правитель отправить туда военную силу, и канула она в темноту, точно камень в глубокую воду, и та же судьба постигала с тех пор любую душу, что ступала на порог месторождения.

Прослышал об этом третий страж и отправился, и тоже пропал. И исчезли год спустя второй и первый, что пришли туда. И не знает никто по сию пору, живы ли они, что там случилось и кто тому виной, ибо последнего, четвертого, стража ждала вскоре та же судьба.

Фабио Неймар, "Жизнь и удивительные странствия Гийома Де Труа, Четвертого стража Утереила". Глава 5

Дрозд, печальный и усталый, зажмурился от резкого порыва ветра. Глаза слезились, перышки ерошило, точно невидимой лапой. Было холодно и промозгло, холодно-холодно, бр-р-р-р! Впереди покачивались горизонт и солнце над ним, тусклое, болезненное, словно нарыв посреди грязного неба. Дрозд не любил такую погоду. Ему нравилось жаркое лето и, быть может, весна, когда вкусенькая добыча сама вылезала навстречу, но никак не эта студеность.

– Уи-а-и!

Дрозд посмотрел вниз – на горы, на черствый ельник в снежной тишине. Мрак. Седина. Отчуждение. Скальный хребет напоминал кости мертвых драконов, а дрозд еще знал то время, когда охотился за ними, когда жил, когда другим был – человеком.

– Уа-и-ии!

Сквозь лес тянулась дорога, и дрозд заметил цепочку следов: четыре лошади, а, значит, четыре всадника. Ему стало интересно, он кинулся вниз. Голову сдавил ветер, колкий, ледяной, как разбитые стеклышки; вокруг поднялись копыта елей – закрыли небо, солнце, свет. На краю зрения мельтешили стволы, в ушах гудело, как в печной трубе. Следы виляли из стороны в сторону и медленно подбирались к горам. Там было что-то плохое, дрозд помнил. Он часто обещал себе держаться подальше от этих коченелых склонов, но столь же часто нарушал свое обещание.

Впереди показался зев шахты и заброшенный городок вокруг. У самого входа в туннели распрягали лошадей четверо путников, и дрозд радостно бросился к ним. Он так давно не видел людей, так давно не был человеком, что немного соскучился по этим бестолочкам. Или бестолочкам?

– Уа-а-и! – приветливо крикнул дрозд.

Судя по одежде и виду путешественников, ехали они долго и страдали много: монах, головорез, рыцарь и девушка. Монах оказался седой, головорез – безухий, девушка – красивая, как лилия, а рыцарь – мертвый. На его доспехах дрозд заметил рисунок – готическое "А", оплетенное диким виноградом. Изображение покрывали царапины, местами оно стерлось, и это казалось странным – чистенькие, новенькие латы и покореженный герб.

– Уа-аи!

Девушка, судя по зеленым татуировкам на лице и зеленым же волосам, была из озерных сирен. Она, как и монах, куталась в зимнюю рясу ордена Стражей, и это тоже выглядело крайне чудным. Религиозный орден и дикарка. Хм!

– Уа-и-аи! – повторил дрозд.

От крика сирена вздрогнула и обернулась. На лице ее появилось странное выражение, будто нечто старое и плохое поднималось с глубины души. Девушка нахмурилась, повела рукой и метнула в птицу синий шарик.

"Снежок?" – радостно подумал дрозд.

Он хотел разбить шарик, как делал когда-то давно в счастливом детстве, и полетел навстречу. Снежок крутился, выросал перед глазами, затмевая городок, дорогу, небо; по белым граням бежали искры, слышался треск. Дрозд приготовился и расправил коготки, но тут холод коснулся сердца, перетек в лапки, крылья; помутил сознание и высосал по капле всю эту долгую-долгую жизнь.

– Н-не люб-блю птиц, – прошептала Офелия, когда смоляное тельце глухо ударилось о снег. Говорила она на мирском наречии правильно, но тяжело, будто что-то в ее горле мешало полностью овладеть человеческим языком.

Коряга и брат Михаэль переглянулись, но ничего не сказали. Они видели подобное живодерство уже не раз и постепенно привыкли.

"Всякий, кого-нибудь да ненавидит".

Михаэль закрепил на спине последний мешок и глубоко, тяжело вздохнул. Воздуха – ледяного искристого воздуха северных лесов – совсем не хватало. Для пятидесяти шести лет монах был еще довольно вынослив, но к подобным походам не привык.

"Тяжеловато", – обреченно подумал Михаэль.

Ноги подгибались, что-то твердое упиралось в лопатку, ремни врезались в кожу на плечах. Он еще раз глубоко, судорожно вздохнул и огляделся.

Городок стоял у каменных врат, точно нищий перед храмом. Казалось, он просил годами подаяния, а исполинские створки так и не заметили ничего, только зевнули напоследок. Было сумрачно, тихо, страшно. Иногда среди домов поднимался ветер, и охаживал ледяными плетками лицо, и сверлил уши, и лошади тогда фыркали, топтались и ломали с хрустом наст.

Вспомнился лед на реке, и крики тонувших. Призрачные болота, рассвет, заводь, полная огоньков. И вот – размытый во льдах горизонт и горы, горы, горы в неуклюжих снежных шапках. И холод, точно упырь, высасывает силы. Или жизни? Михаэля передернуло. Из монастыря выходило семнадцать человек, а добралось только четверо. Что-то во всей этой экспедиции шло совсем, абсолютно не по плану.

Чуть в стороне Офелия накладывала на себя защитные чары. Девушка действительно была очень талантлива, Михаэль это не без удовольствия признавал, – она не сваливала все в кучу, а подгоняла части вязи так, чтобы дополнять одну другой. Выходило толково и красиво.

"Как и следует преступнице".

Орден поймал Офелию с сестрой во время ограбления монастыря. Сестру отправили на каторжные работы и обещали выпустить, только если экспедиция вернется со щитом. Офелия тогда почему-то сразу согласилась, и Михаэль чувствовал в этом некий подвох – слишком легко вышло, слишком редко монаху встречались послушные нелюди.

"Неужели для кого-то жизнь может быть так проста?"

Святой Авектус сидел молча, как обычно, и, как обычно, не снимал шлема, что Михаэля положительно пугало. Винить рыцаря было глупо – мертвые чураются живых, как и живые – мертвых, – но все же он возглавлял это странный поход, все же внутри гниющего тела держалась человеческая душа. Так? Ответ на последний вопрос знал лишь Авектус – рыцарь сам и разработал захват души, и сам испробовал на себе. Кто он теперь? Что?

"И почему он за гербом не смотрит? У рыцаря, кроме герба да чести, ничего и нет".

Коряга мазал рубец на скуле. Порой морщился от боли, и тогда нечто страшное, нездоровое мелькало во взгляде наемника.

Головорез, что своими шрамами – от ран, ожогов, переломов и ужаснейших пыток – мог бы напугать любого, в мирской жизни был одним из самых спокойнейших и приятнейших людей. Михаэлю он понравился сразу, хотя слухи о Коряге ходили разные. Первые говорили, будто он мерзавец, каких свет еще не видывал, и купается каждый день в крови детей; другие рассказывали о благородном происхождении наемника. О предательствах, ядах, об изменах, что выбросили младенца на обочину жизненного пути. Ну, в единственном сплетники оказались единодушны – уцелеть в безнадежной, невозможной, беспросветной ситуации так, как Коряга, не умел никто; потому Авектус его и нанял.

– Я г-готова, – крикнула Офелия.

Михаэль посмотрел на рыцаря – тот кивнул, – и они направились к шахте. Офелия двигалась легко, словно бесплотный дух; Коряга хромал, Авектус шел жутко, дергано. Не доходя пары шагов до врат, он вдруг рухнул на землю.

Все замерли. Офелия по-птичьи вытянула шею, Коряга поперхнулся, у Михаэля похолодело в груди.

– О-он жив? – неуверенно спросила Офелия.

Михаэль хотел ответить посмешнее, в духе "скорее, мертв бесповоротно", но подходящие слова не появлялись. Вообще иногда монаху казалось, что он взят исключительно в качестве шута, только шут выходил печальный – остричь не умел и говорил без конца горькие и унылые вещи.

– Боюсь, нет, – ответил Михаэль и показал девушке на вязь защитного поля. Оно расхлослось полукругом от врат, и было старое, времен стражей, старое и простенькое. Блокировало всего несколько элементов вязи, но характерных именно для орденских заклинаний. – Захват души отключился, едва его святейшество ступили внутрь поля.

"И никак к жизни не вернуть. Ладно душу призовем обратно, а захват кто делать будет? Хоть бы доработал на случай блокировок, как же так? А все же странная блокировка. Старая, а на наш орден. Почему?"

Михаэль не понимал, на кой черт понадобилось ставить защиту от людей, что еще не появились на свет: орден возник только после гибели четвертого стража. Или исчезновения – кому как больше по душе. Странно, конечно, возник: ниоткуда, вдруг, сразу – и в личную охрану короля, но об этом можно было подумать и потом. Как действовать дальше? Глава экспедиции мертв, осталось трое – наемник, колдунья и монах, который бесполезен в практическом смысле, но способен наизусть пересказать двенадцать томов энциклопедии.

Троица начала спорить. Офелия хотела двигаться вперед – ее волновала судьба сестры, Михаэль сомневался. Корягу интересовал чисто практический вопрос – как без Авектуса, который годами изучал историю стражей и карты, вообще можно что-то отыскать.

– Я мог бы у-узнать артефакты, наверное, – неуверенно, слабым, прерывающимся голосом заметил Михаэль.

Ответили ему лишь взгляды, полные скепсиса, и винить соратников было сложно.

С самого начала Михаэлю казалось ироничным, что выбрали его. Всю свою сознательную жизнь монах проповедовал людям учение Утереила, но чем больше Михаэль старался, тем больше народ отворачивался от церкви. В конце концов, и вера монаха стала таять, будто весенний снег. И вот экспедиция – шанс показать мирянам, что все было по-настоящему. И вот шанс его, Михаэля, – показать, что он шел не зря, что он хоть как-то полезен. Это выглядело приятным и новым – стать из пустого места... всем?

"Я проповедник! Что я могу? Что мы втроем можем? Это даже не опасно, это смешно. Не лучше ли, безопаснее вернуться? Собрать новую экспедицию. Или уже не дадут? Или отправят

других? Будет еще такой шанс? И что я буду делать, когда вернусь? Когда уже самого тошнит от религии! Нет, нет, разве я для себя сюда шел? Разве не для тех, кто утратил веру?"

– Я мог бы узнать щит, – повторил громче монах, – и помню карты. Плохо, конечно. Плохо, – он поморщился, – нет, дети мои, возвращаемся, это и впрямь глупо.

– А м-моя сестра?

– Дитя мое, ты знаешь.

– Прелестный выбор. Тогда в-веди.

– Дети мои, вы осознаете, насколько мы рискуем? – Михаэль уже пожалел о своем предложении. – Нас трое, а я плохо помню карты.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.